

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. В. ТРЕВЕР, *Очерки по истории культуры древней Армении*, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, 288 стр., тираж 2500 экз., цена 16 р. 70 к.

В основу книги К. В. Тревер положена публикация и подробное исследование некоторых памятников древней Армении, главным образом эпитафических. Свои исторические выводы автор излагает в связи с трактуемыми памятниками, в виде обширного комментария к ним, освеща при этом различные стороны общественной, политической и культурной жизни древней Армении. Эта особенность труда К. В. Тревер в значительной мере предопределяет и характер рецензии, когда в большей мере рецензент должен касаться правильности толкования автором исследуемых памятников. Первая часть книги посвящена исследованию одного из интереснейших архитектурных памятников древней Армении, гарнийскому храму, с которым К. В. Тревер связывает ряд важных вопросов политической и культурной истории Армении второй половины I в. н. э. Вторая часть книги представляет собой публикацию всех известных до сих пор эпитафических памятников Армении античного времени, греческих, латинских и арамейских, впервые сопоставленных в одном издании и снабженных обширными исследовательскими экскурсами. В этом смысле труд К. В. Тревер представляет значительный интерес, отличаясь исчерпывающей полнотой привлечения письменных источников как античных, так и древнеармянских, литературы исследуемого вопроса и архивных материалов. Вопреки концепциям буржуазных ученых, принижавших историческую роль армянского народа и его древней культуры, автор старается показать эту культуру во всем ее богатстве и своеобразии. В трактовке отдельных памятников К. В. Тревер дает много интересных соображений относительно их датировки, назначения и роли в жизни армянского народа.

В разделе, посвященном гарнийскому храму, приведены обзоры письменных источников (Тацит и армянские историки IV—XVII вв.) и литературы о гарнийском храме, изложена история раскопок на территории крепости Гарни и, наконец, дано подробное описание основных форм храма и его декорации, которые автор рассматривает на фоне наиболее близких к нему памятников Малой Азии. Главные вопросы, трактуемые автором в следующих главах данного раздела,— это вопрос о назначении и времени построения храма, о местных элементах в его формах и о культе бога Митры в Армении, которому, по мнению автора, и был посвящен гарнийский храм. Все эти вопросы К. В. Тревер исследовала уже ранее в своей статье в XI выпуске «Советской археологии». Однако при сопоставлении соответствующих глав рецензируемой книги с ранее опубликованной статьей возникает ряд серьезных недоумений. Для обоснования датировки гарнийского храма и в статье, изданной в СА, и в рецензируемой книге автор привлечены одни и те же памятники Малой Азии (Писидии — Сагалассе, Термессе, Кремна и Сирии — храм в Ниха) и даны ссылки на те же самые таблицы и рисунки. Однако в статье в СА эти памятники датированы II в., а в рецензируемой книге — I в. Так, наиболее близкой аналогией гарнийскому храму автор считает храм Аполлона Кларосского в Сагалассе, и в статье (СА, XI, стр. 291) последний датирован серединой II в., а в «Очерках» (стр. 51) сказано, что этот же самый храм «сооружен при Веспасиане или его ближайших преемниках», что датирует храм уже второй половиной I в. н. э. К. В. Тревер ссылается на надпись¹, сообщаю-

¹ Ch. Lanckoronski, G. Niemann et E. Petersen, *Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie*, P., 1893, т. II, стр. 238—239, надп. № 200.

щую, что храм построил Т. Флавий Коллегас и его родственники. Однако это еще не означает, что строитель храма был современником императоров дома Флавиус, причем издатель надписи Ланцкоронский сам высказался за датировку храма II в. н. э.¹ Один и тот же акавфовый фриз в Сагаласе (рис. 11 рецензируемой книги), с которым сопоставлен фриз храма Гарни, в статье (СА, XI, стр. 293) отнесен ко II в., а в «Очерках» (стр. 55) — к концу I или началу II в. Однако сопоставление декоровки выступов подия гарнийского храма с соответственными рельефами храма в Ниха также указывает на II в.² Что же касается сопоставления гарнийского храма с памятниками Атталей, то близкую аналогию дает арка Адриана, особенности которой также характерны для II в. н. э.³

Таким образом, на основании одних и тех же аналогий К. В. Тревер в двух своих работах различно датирует гарнийский храм: первой половиной II в. в статье (СА, XI, 1949, стр. 294; ср. ее же «Надпись о построении армянской крепости Гарни», Д., 1949, стр. 33) и 70-ми годами I в. н. э. в книге («Очерки», стр. 67). Что же побудило автора к пересмотру своей прежней точки зрения?

Датируя храм II в., К. В. Тревер исходила из анализа его форм и декоровки, сближающих его с упомянутыми памятниками II в., и, рассмотрев затем историческую обстановку в Армении в связи с оккупацией ее войсками Траяна, выдвинула тогда предположение о посвящении храма культу римского императора⁴. В «Очерках», при пересмотре датировки, К. В. Тревер исходит уже не из архитектурных особенностей храма, а из пересмотра своих выводов о назначении храма. К. В. Тревер выдвигает мысль, что храм посвящен Митре и был построен Тиридатом I в то время, когда восстанавливался разрушенный войсками Корбулона Арташат. Одним из доводов для доказательства посвящения гарнийского храма Митре является ссылка на близкий ему по пропорциям и декоровке храм в Кремне, посвященный якобы также Митре (стр. 57). Однако Ланцкоронский, на которого ссылается при этом К. В. Тревер, высказывает лишь предположение, что храм был посвящен «какому-то чужеземному божеству, н а п р и м е р, М и т р е (разрядка моя.— А. Б.) или Magna Mater» (ук. соч., стр. 157). Нам представляется, что в датировке храма следует исходить прежде всего из его архитектурных и декоративных особенностей. Однако пересмотр датировки произведен К. В. Тревер не на основе новых или привлечения дополнительных данных об особенностях самого храма, а на попытке приспособить ранее установленные архитектурные особенности храма к предвзятому выводу, основанному на общих соображениях об исторической обстановке в Армении того времени. Между тем для суждений об архитектуре храма существенное значение имеют новые данные, приведенные в статье Б. Н. Аракеляна⁵, устанавливающие в результате работ 1952 г. архитектора Саиняна, наличие сводчатого перекрытия над двускатной крышей целлы, что опровергает прежние представление о плоском архитравном перекрытии храма Гарни и говорит

¹ Там же, стр. 136.

² D. Krenker u. W. Zschietzschmann, Römische Tempel in Syrien, 1938, т. I, стр. 112—114.

³ Ланского и др., ук. соч., т. I, стр. 22, табл. VII—VIII. Датировка гарнийского храма II в. была еще в 1948 г. дана В. Д. Блаватским, Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2, стр. 388—391. Исходя из особенностей антаблемента гарнийского храма и из сопоставления его с памятниками Сирии (Хесен-Сулейман 150—200 гг. н. э.) и аркой Адриана в Атталее, технических особенностей кладки стен, а также особенностей орнаментации, В. Д. Блаватский приходит к выводу, что следует «рассматривать Гарни среди памятников античного зодчества, однако, некоторые особенности и чрезвычайно своеобразные орнаментики дают основание предполагать участие в его сооружении местных мастеров». Что же касается датировки, то «характер архитектурных форм не позволяет отнести храм Гарни ко времени ранее II в. н. э.».

⁴ СА, XI, стр. 296; ср. «Надпись о построении армянской крепости Гарни», стр. 5—6.

⁵ ВДИ, 1953, № 3, стр. 151.

скорее в пользу прежней датировки его II веком. Существование культа Митры и святилища этого божества в Гарни вполне вероятно, однако нет никаких данных для категорического утверждения о посвящении гарнийского храма Митре.

Родство форм гарнийского храма строительным формам древней Армении К. В. Тревер устанавливает путем сопоставления гарнийского храма с мусасирским (стр. 73—74): высокий подий с фасадным портиком в шесть колонн, высокий фронтон с акротерием и двускатное перекрытие (стр. 73). Однако двускатное перекрытие отнюдь не является специфической особенностью архитектуры древнеармянских храмов, и основная форма гарнийского храма — типичный периптер, выработана античной греческой архитектурой, тем более, как отметила сама К. В. Тревер (стр. 70), «мы еще не знаем, как выглядели армянские храмы... между IX в. до н. э. и I в. н. э.» Что же касается храма Мусасира, то нет оснований утверждать не только, что это был периптер, но даже и то, что на фасаде его были колонны, а не пилястры. В Мусасире отсутствует прежде всего ордер — основной признак, характеризующий гарнийский храм и роднящий его со всеми храмами античного мира. Относительно же попытки автора генетически связать ионический ордер Гарни с протоионической капителью гробницы в Курангуне следует указать, что памятник этот принадлежит иной этнической культуре, и, если допустить сходство капители курангунской гробницы с гарнийской капителью, то в равной степени это сближение можно распространить на все памятники античной архитектуры ионического ордера. Богатство и разнообразие мотивов растительной скульптурной декорировки роднит гарнийский храм прежде всего с синхронными памятниками античной архитектуры Сирии и Малой Азии (Сагаласс, Термесс, Атталей, Баальбек), неоднократно привлекаемыми К. В. Тревер как наиболее близкие по орнаментике гарнийскому храму. Притом сама К. В. Тревер приводит (стр. 76) в качестве параллели тематики растительных орнаментов Гарни фриз из Сагаласса (т. е. Писидий, а не Армении). Что касается техники резьбы по базальту и некоторых стилистических и архитектурных особенностей, то участие в этой работе местных мастеров отмечалось неоднократно и ранее (Романов, Блаватский, Токарский). Гарнийский храм, как и другие аналогичные храмы Малой Азии и Сирии, представлял собой памятник эллинистической культуры на Востоке (ср. К. В. Тревер, СА, XI, стр. 303), и его тип был обусловлен определенной исторической обстановкой в Армении первых веков н. э. Стиль гарнийского храма отражает художественные вкусы армянской знати того времени, которая и диктовала их ремесленникам и каменотесам в соответствии со своей политической и культурной ориентацией, а не наоборот. Некоторые отклонения от архитектурно-декоративных норм античных храмов римского времени вполне естественны для Армении, но вряд ли они дают достаточный материал для воссоздания особенностей армянского зодчества того времени, памятники которого лишь начинают раскрываться и изучение их особенностей является еще делом будущего.

Глава о культе Митры в Армении, независимо от вопроса о назначении гарнийского храма, представляет значительный интерес. Используя данные древнеармянских и античных писателей, армянский эпос, древние обряды и обычаи и опубликованные археологические памятники, относящиеся к культу Митры, К. В. Тревер устанавливает большое значение местного древнего культа солнечного божества в Армении — Арди-Арега, образ которого позже (не ранее IV в. до н. э.) слился с образом Митры и еще позже, в связи с распространением греческой культуры в Передней Азии и Армении, превратился в синкретический культ солнечного божества Митры-Аполлона-Гелиоса.

Раздел, посвященный эпиграфическим памятникам, занимающий большую часть книги (стр. 99—288), ставит целью свести в одном издании греческие, арамейские и латинские надписи, найденные на территории древней Армении, и дать попытку более расширенного и углубленного истолкования их исторического значения, чем это могло быть сделано в разновременных первичных изданиях этих надписей. Ко II в. до н. э. относятся греческие надписи Армавира, датируемые правлением Арташеса I, и арамейские того же времени из района Севанского озера.

В вопросе о назначении греческих надписей Армавира К. В. Тревер исходит из сообщения Моисея Хоренского о существовании в Армавире прорицалища, где произ-

водилось гадание по шелесту листьев священной платановой рощи. Большого внимания заслуживает предположение автора, что камни с надписями не были случайно упавшими с вершины холма обломками скал, а еще в древности были помещены у его южного подножья, где и должна была находиться священная платановая роща с прорицалищем и храмом Арега-Аполлона. Очень интересна попытка истолковать изображения на камне (рис. 22) как план крепости Армавира с расположенным у подножья холма храмом с прорицалищем.

К. В. Тревер дает свое толкование и всем семи помещенным на камнях греческим надписям, видя в них отрывки из литературных произведений, использованных в качестве вещаний оракула, полемизируя с издателями этих текстов А. И. Болтуновой, Я. А. Манандяном и трактовавшими надписи в своих исторических исследованиях С. Т. Еремянном и Г. И. Гояном. Однако толкование надписей К. В. Тревер можно считать правдоподобным лишь для первых двух стихотворных текстов (№ 1 и 2, стр. 120—128), помещенных на первом камне, тем более, что на том же камне помещена и вотивная надпись, перечисляющая дары (№ 3, стр. 128—133), что с большой убедительностью подтверждает связь данного камня со святилищем¹. Более спорной является попытка К. В. Тревер истолковать как вещания тексты второго камня. Ссылка автора на фрагментарность текста надписи № 4 (стр. 134—137), якобы препятствующую его осмыслению, неубедительна, так как, за исключением первой строки и двух последних, сохранность остальных восьми строк вполне удовлетворительная, что дает полную возможность установить смысл и содержание надписи² как текст письма, адресованного царю Ебранту другим царем. Поэтому большое сомнение вызывает также объяснение слова *Mithras* как божества Митры, поскольку такое толкование не соответствует всему контексту надписи. Кроме того, известно что имя *Mithras*, например, носил один из полководцев Тиграна II (App., *Mithr.*, 10). Не менее трудно принять за тексты вещания и надписи №№ 5 и 6 (стр. 137—142), которые не могут быть истолкованы как литературные произведения. Скорее допустимо, если отказаться от толкования надписи, предложенного А. И. Болтуновой, что названия месяцев сиро-македонского календаря (надписи № 5) были начертаны просто с целью фиксации их названий для потребностей культа или внешних сношений³. В этом случае последняя строка с пожеланием блага Фарнаку могла бы иметь самостоятельное значение. Этому, однако, противоречит то обстоятельство, что последняя строка тесно примыкает к предыдущему тексту и начертана в виде его продолжения. Данное же автором объяснение имени Фарнака как эпитета «божества — покровителя месяцев», не убеждает уже потому, что трудно представить себе пожелание здоровья богу, да еще в условной форме.

Не менее трудно связать с текстами вещаний оракула и надпись № 6 (стр. 140—142). Стихотворная надпись № 7 (стр. 142—147), действительно являющаяся отрывком литературного произведения, составленного в эпической форме, также не может служить текстом вещания уже потому, что она содержит повествование о событиях свершившихся, а не предстоящих. Таким образом, все четыре надписи на втором армавир-

¹ Мысль о связи данных надписей со святилищем высказывают также и французские ученые Jeanne et Louis Robert, которые склонны видеть в надписи № 2 аретаголию (оригинальную или заимствованную у какого-либо автора) или, как и К. В. Тревер, текст оракула (REG, т. LXV, 1952, № 304—305, стр. 182 и 185).

² Ср. J. et L. Robert, стр. 183 и 184. Следует отметить, что К. В. Тревер, тщательно изучавшая не только фотографии, но и самый камень (второй, так как первый утрачен), и приведшая с исчерпывающей полнотой все попытки чтения и дополнения лакун, предложенные Я. И. Смирновым, А. И. Болтуновой и Я. А. Манандяном, воздерживается, однако, от каких бы то ни было попыток дать свое собственное чтение. Попутно отметим одну допущенную неточность в комментариях надписи № 4: в надписи IOSPE, II, № 409, на которую ссылается К. В. Тревер, упоминается не *περσης* а *περσευ*.

³ Ср. J. et L. Robert, ук. соч., стр. 183.

ском камне по содержанию не подходят для целей вещания, а связаны с какими-то конкретными историческими лицами, имевшими отношение к политической жизни Армении. Фиксация на территории святилища документов, связанных с внешнеполитическими сношениями армянского государства, может найти свое объяснение в том, что все важные события и договоры обычно сопровождалась какими-то культовыми обрядами и клятвами, что было тесно связано с деятельностью жрецов, имевшей непосредственное отношение к этой области государственной жизни. О возможности такого предположения свидетельствуют слова Страбона из описания соседнего иберийского государства¹. Что касается надписи № 7 (стр. 142—147), то она еще нуждается в тщательном изучении. Относительно объяснения текста как повествования о смерти Арташеса, можно высказать следующие соображения. Отрывок стихотворного произведения о смерти Антиоха IV мог быть начертан не только, как думают Я. А. Манандян и К. В. Тревер, в Селевкии (скорее мы сказали бы — в Антиохии), но и в Армавире, как повесть о событии, радостном для Арташеса, тем более, что текст упоминает об имевшей ранее место оккупации Армении, еще недавно находившейся под властью Селевкидов². Нет никаких данных также и о том, что супруга Арташеса была его сестрой и носила титул Филадельфы. Кроме того, непонятно, какое отношение мог иметь Нумений к супруге Арташеса, которой он сообщает печальную весть.

Большой интерес представляет надпись, найденная в 1945 г. в Гарни. Чтение этой надписи, так же как толкование ее, предложенные К. В. Тревер, представляют несомненно большой шаг вперед в сравнении с изданиями этого документа С. Д. Лисицианом и Я. А. Манандяном. Тем не менее вопрос о датировке и дополнении утраченных концов строк нельзя считать окончательно решенным. Если принять дополнения концов строк третьей, шестой и седьмой, то не может не показаться странным, что утраченными оказались все армянские термины за исключением $\tau\epsilon\alpha\rho\acute{\iota}[ov]$. Но толкование этого слова как армянского *тэр* вызывает сомнение; приводимое К. В. Тревер объяснение наличия этого родового термина в данном контексте звучит искусственно и неубедительно: к царю, который уже назван в надписи $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\omega\rho$ (или $\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta$) и $\delta\epsilon\sigma\tau\acute{o}\tau\eta\varsigma$, этот родовый термин вряд ли может быть применен. Это не царь, а скорее какое-то лицо, которому был непосредственно подчинен Менней. Особенно сомнительным кажется дополнение 6-й строки: $\sigma\tau[\alpha\rho\alpha\pi\acute{\epsilon}\tau]\phi$; предпоследнюю букву седьмой строки скорее следует принять за эпсилон, чем за сигму. На табл. 79, где буквы отретушированы, все же видна непротретушированная горизонтальная hasta буквы эпсилон, гораздо яснее различимая на табл. 78. Это обстоятельство заставляет предполагать здесь утраченное слово $\acute{\epsilon}\tau[\iota\tau\rho\acute{\pi}]\omega$. Термин $\acute{\epsilon}\pi\iota\tau\rho\acute{\rho}\omega\varsigma$ мы находим в греческом тексте двуязычной надписи из Армази в значении управителя царских владений, «двороуправителя» и, может быть, даже «великого визиря»³. В данном контексте надписи, сообщающей о воздвижении какого-то строительного сооружения по велению царя, термин $\acute{\epsilon}\pi\iota\tau\rho\acute{\rho}\omega\varsigma$ вполне уместен. В переводе К. В. Тревер слово конца шестой строки $\sigma\tau[\alpha\rho\alpha\pi\acute{\epsilon}\tau]\phi$ или $\acute{\epsilon}\tau[\iota\tau\rho\acute{\pi}]\phi$ неправильно связано со словом, $\lambda\iota\tau\omega\rho\acute{\upsilon}\rho\acute{o}\varsigma$, так как слова $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega\epsilon\pi\epsilon\tau\epsilon\tau\omega$ стоят в дательном, а не в винительном падеже; поэтому они служат не определением, а дополнением к слову $\lambda\iota\tau\omega\rho\acute{\upsilon}\rho\acute{o}\varsigma$. Нельзя согласиться также с пониманием первого слова надписи $\epsilon\psi\lambda\omega\varsigma$ как обращения к богу солнца (стр. 187 и 205). Если бы это

¹ Str., XI, 3,6: δεύτερον δὲ [γένος] τὸ τῶν ἱερῶν, οἱ ἐπιμελοῦνται καὶ τῶν πρὸς τοὺς διόρους δικαίων.

² Глагол $\acute{\epsilon}\pi\iota\kappa\rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\omega$ означает не только «верховно владеть» или «надвладеть» (К. В. Тревер, Очерки, стр. 146), но и «побеждать, одолевать, овладевать».

³ Ср. С. Г. Каухчишвили, Новые греческие надписи из Армази, Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, № 1—2, Тб., 1941, стр. 172—175; А. Г. Шанидзе, Данные греческо-пехлевийской билингвы из Армази для истории термина зэойсмодзгуари в древнегрузинском, там же, стр. 181—186; Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тб., 1941, стр. 65—67.

было так, то слово ϵ^{\prime} Ηλος должно было бы стоять в звательном, а не в именительном падеже. Именительный падеж указывает, что слово ϵ^{\prime} Ηλος представляет составную часть имени царя, полное официальное наименование которого было ϵ^{\prime} Ηλος Τιριδάτης. Употребление ϵ^{\prime} Ηλος в качестве мужского имени засвидетельствовано многочисленными примерами надписей Боспора и Ольвии первых веков н. э.¹

Совершенно неприемлемой приходится признавать и датировку автором надписи четвертой четвертью I в. н. э. (стр. 196). На основе анализа языковых и палеографических особенностей гарнийской надписи К. В. Тревер правильно сближает ее с армазской, однако, датируя последнюю, она искажает выводы издателей этой надписи, неверно указывая предложенную ими датировку². Ссылка на то, что круглая форма эпсилона, сигмы и омеги появляется, по словам В. В. Латышева, в начале императорского периода и около 120 г. заменяется формами архаизированными, не выдерживает критики. По словам того же В. В. Латышева, «такие формы очень медленно прививались на Востоке и рядом с ними продолжали употребляться формы Ε, Μ, Σ, Ω». Это может быть подтверждено многочисленными примерами надписей II—IV вв., изданных в МАМА и в IOSPE, и других надписей Малой Азии и Сирии, на которые ссылается К. В. Тревер, в то время как надпись Веспасиана из Мцхета, близкая по времени к предложенной К. В. Тревер дате гарнийской надписи, имеет совершенно иной шрифт. Для гарнийской надписи характерными являются начертания ломаной кси и вытянутого ипсилона, особенно в последней строке, что в сочетании со скорописным начертанием ми и омеги и общим характером шрифта исключает возможность датировки надписи ранее конца II—III вв. н. э. Упоминаемое в надписи имя Μεννέας действительно часто встречается в надписях Малой Азии и Сирии, и просмотр документов показал, что подавляющее большинство памятников, где встречается это имя, относится ко времени II—IV вв. н. э. В пользу этой же датировки говорит также и употребление дифтонга $\epsilon\iota$ вместо ϵ^{\prime} ³. Предполагаемое К. В. Тревер употребление армянских или парфянских терминов и предложенное мной дополнение $\epsilon\tau$ [τρόπ] ω также говорят за датировку не ранее половины II или III в. н. э. Поэтому отнесение данной надписи к Тиридату I, с нашей точки зрения, должно быть решительно отвергнуто.

К. В. Тревер нашла возможным отнести II апаранскую надпись к Тиридату II. Поскольку все приведенные ею аналогии шрифтов гарнийской и апаранской надписей с полной убедительностью говорят за датировку апаранской надписи началом III в., то следует скорее отнести обе надписи ко времени Тиридата II. В пользу этой даты говорит и состав титулатуры, и отсутствие лигатур, и орфографические особенности обеих надписей.

Хотя данная К. В. Тревер полная публикация эпитафических памятников Армении очень важна и ценна сама по себе, однако отмеченная выше спорность и порой неприемлемость датировок и истолкования автором некоторых надписей осложняют пользование данной публикацией. Также и основные исторические выводы автора особенно касающиеся времени правления Тиридата I, не всегда могут быть безоговорочно приняты вследствие неправильных датировок памятников на основании которых эти выводы строятся. Происходит это потому, что к вопросу о датировке памятников автор подходит прежде всего от возникающих у него априорных предположений о связи памятника

¹ IOSPE, II, 29c, 95, III, 160, 163, 196, 256, IV, № 311, 341, 435; I², № 128.

² К. В. Тревер, Очерки. . . стр. 196: «. . . не позднее начала II в. Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, стр. 250: «. . . надпись надо датировать примерно II в.»; С. Г. Каухчишвили. Сообщ. АН Груз. ССР, 1941, т. II, № 1—2, стр. 173: «. . . надпись не ранее II, точнее II—III вв.»; Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тб., стр. 20: «. . . конец или середина II в.»; Он же, ВДИ, 1948, № 2, стр. 52: «. . . начало второй половины или конец третьей четверти II в.».

³ Ср. IOSPE, II, № 432—227—233 гг. и ряд надгробий северного Причерноморья: IOSPE, I², 485; IOSPE, II, № 71, 83, 176, 372; IOSPE, IV, № 228, 248, 295, 333.

с той или иной общей исторической обстановкой или интересным фактом, упоминаемым в литературных источниках, а не из особенностей самих памятников. Примерами являются отмеченный выше пересмотр датировки гарнийского храма, гарнийской надписи, основывающийся на общих соображениях автора о восстановительных работах Тиридата I по возвращении из Рима, новая датировка эчмиадзинской надписи 165 г. н. э. на основании сведений об эпидемии чумы в том году (стр. 252). В тех же случаях, когда аргументированная точка зрения других ученых не совпадает с априорным взглядом К. В. Тревер, она попросту отказывается от рассмотрения их соображений (стр. 137, прим. 2).

Следует отметить, что ряд имеющихся в распоряжении исследователей источников, позволяющих осветить важные стороны древней культуры Армении той эпохи, таких, как раскопки могильников, памятники художественного ремесла, остался вне внимания автора.

В стремлении доказать глубокую самобытность и высокий уровень культуры древней Армении рассматриваемого периода, К. В. Тревер приводит аргументы, не всегда, с нашей точки зрения, удачные. Примером является ее попытка связать основные формы архитектуры гарнийского храма с древнейшими местными архитектурными традициями. При безусловно правильном критическом отношении к концепциям буржуазных ученых, по меньшей мере странно и неубедительно звучат оговорки автора о «якобы более высокой эллинской культуре» (напр., стр. 16), хотя то, что греческая культура последних веков до н. э. и первых веков н. э. была более высокой и что в ту эпоху армяне заимствовали элементы этой культуры, а не наоборот, не нуждается ни в доказательстве, ни в пояснении. Отсутствие у армян до конца IV в. н. э. собственной письменности достаточно ясно указывает на уровень их социально-экономического и культурного развития. В этой связи вызывает недоумение заявление К. В. Тревер, что армянский перевод одного из сочинений Метродора Скенсийского «упоминается среди трудов Филона Александрийского, писателя начала I в. н. э.» (стр. 11; ср. стр. 15). Приведенная К. В. Тревер ссылка на статью Вельмана (Hermes, Bd. II, 1917) указывает только, что сочинение 'Αλεξάνδρος ἢ περὶ τοῦ λόγου εἶχει τὰ ἄλογα ζῶα принадлежало перу Метродора, как думает Вельман, а не Филона; сохранившиеся же армянские переводы эсцерптов псевдо-Евстафия из этого сочинения могут служить материалом для характеристики литературных вкусов и культурного облика средневековой Армении, но никак не эпохи Тиграна.

К. В. Тревер отмечает, что о культуре широких слоев армянского народа почти ничего неизвестно (стр. 13), культура же высших слоев общества находилась под сильным влиянием эллинистической культуры (деятельность Метродора, Амфикрата, греческий театр в Армении, литературная деятельность Артавазда, религиозный синкретизм). В этой связи нельзя обойти молчанием точку зрения автора на проблему эллинизма. В оценке социально-экономического строя армянского общества двух последних веков до н. э. К. В. Тревер присоединяется к основным выводам исследований С. Т. Еремяна, который рассматривал его как общество рабовладельческое с пережитками первобытно-общинного строя в виде сельской общины, замедлявшей переход к развитым рабовладельческим отношениям (стр. 7). В то же время К. В. Тревер не разделяет четко выраженную этим исследователем точку зрения на Армению как на эллинистическое государство и на культуру Армении как культуру эллинистическую. Несколькими сторонами понимая концепцию А. Б. Рановича, изложенную в его книге «Эллинизм и его историческая роль», она кладет в основу определения эллинизма как исторического явления формулировку А. Б. Рановича, что эллинизм «вырос на корнях античного рабовладельческого общества в его классической форме» (стр. 17). Отсутствие в Армении этой «классической формы античного рабовладельческого общества» и заставляет К. В. Тревер отвергнуть возможность применить термин «эллинизм» для обозначения определенного периода общественного развития в истории Армении. Отмечая дискуссионность проблемы эллинизма в советской историографии, приходится все же констатировать отсутствие четкости и последовательности во взглядах К. В. Тревер по этому вопросу. Ибо, если незавершенность перехода от *κοινωνία* к *πολιτεία* и наличие

сельской общины, замедлявшей процесс перехода к развитым формам рабовладельческого строя, имели место в Армении, то все исследования А. Б. Рановича с полной убедительностью показали, что та же особенность характеризует и общественный строй Египта и государства Селевкидов, принадлежность которых к эллинистическому миру никогда и никем не оспаривалась.

Между тем, раскрывая сущность эллинизма как этапа социально-экономического развития рабовладельческого общества, в применении к Армении К. В. Тревер склонна рассматривать эллинизм не как комплекс явлений экономической и общественной жизни, а как явление культурно-историческое. Она отрицает возможность применить термин «эллинизм» к Армении и ее культуре на том основании, что «древнеармянская культура, обогащенная эллинистическими культурными традициями (разрядка моя. — А. Б.)... носит с а м о б ы т н ы й характер, сохраняя местные черты... обусловленные особенностями развития армянского народа, и по уровню своих достижений не уступает культуре соседних эллинистических государств».

Что касается последнего тезиса, то он звучит достаточно голословно уже потому, что в труде К. В. Тревер рассмотрены лишь памятники культуры господствующих слоев населения Армении, отражающие греческое влияние, и совершенно не дающие представления о достижениях самобытной народной армянской культуры того времени.

А. Болтунова